

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 22. 220 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2020. No. 22. 220 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной, С. А. Кулаков

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi, S. A. Kulakov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 22 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя раннего палеолита В. П. Любина, а также исследования в области гуманитарных и естественных наук о древнейшем человеке. Представлены работы археологов, палеозоологов и антропологов, изучающих самые ранние памятники каменного века, преимущественно на территории Кавказа и Переднего Востока.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 22nd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents papers centering on the research biography of the outstanding Paleolithic scholar V. P. Lyubin, as well as archaeological and natural science studies in the field of early prehistory. The volume consists of the papers written by archaeologists, paleozoologists and paleoanthropologists who study the earliest Stone Age sites in the Caucasus and the Middle East.

The volume is intended for archaeologists, anthropologists, paleozoologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

<i>С. А. Васильев.</i> Век Любина: поиски древнейшего человека в Евразии и Африке	7
<i>В. П. Любин.</i> Страницы воспоминаний	19
<i>Е. В. Беляева.</i> Век Любина в архивных фотоматериалах	29
<i>Л. М. Всевиов.</i> Век Любина в библиографии (список печатных работ В. П. Любина)	38
<i>Е. В. Беляева.</i> История исследований ашеля в Армении и вклад В. П. Любина	55
<i>М. В. Константинов.</i> В. П. Любин, Забайкалье и LGM.....	70

СТАТЬИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Кулаков.</i> Ранний палеолит Кавказа: современное состояние изучения	76
<i>Д. В. Ожерельев, В. Г. Трифонов, Х. Челик, Я. И. Трихунков.</i> Новые свидетельства раннего палеолита в горных системах Восточной Анатолии и Малого Кавказа.....	99
<i>Ю. Э. Демиденко.</i> Главный Кавказский хребет и передвижения людей в среднем палеолите и раннем верхнем палеолите по Большому Кавказу	128

НОВЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Несмеянов.</i> Проблема использования микрофациального анализа при изучении кавказских древнепалеолитических пещерных памятников	142
<i>Г. Ф. Барышников.</i> Кударский пещерный медведь: эволюция, тафономия, вымирание	158
<i>М. В. Саблин.</i> Фауна местонахождения Мухкай 2.....	176
<i>М. М. Герасимова.</i> Палеоантропологическая находка на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора (Костёнки-14). Факты и интерпретации.....	187
<i>С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая.</i> Морфология и таксономия древнейшего человека из Дманиси	204
Список сокращений	216

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

VASILY PROKOFIEVICH LYUBIN: THE SCHOLAR AND THE PERSON

<i>S. A. Vasiliev</i> . Lyubin's century: the search for the earliest Man in Eurasia and Africa.....	7
<i>V. P. Lyubin</i> . Pages of memories	19
<i>E. V. Belyaeva</i> . Lyubin's century in archive photographs.....	29
<i>L. M. Vsevirov</i> . Lyubin's century in bibliography (list of Lyubin's publications).....	38
<i>E. V. Belyaeva</i> . History of Acheulean studies in Armenia and V. P. Lyubin's contribution.....	55
<i>M. V. Konstantinov</i> . V. P. Lyubin, Transbaikalia and LGM	70

RESEARCH PAPERS

NEW STUDIES IN THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Paleolithic of the Caucasus: the current status of research.....	76
<i>D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Çelik, Ya. I. Trikhunkov</i> . New evidence on the Early Paleolithic in the mountain systems of Eastern Anatolia and the Caucasus Minor.....	99
<i>Yu. E. Demidenko</i> . The Greater Caucasus range and human population movements within the Great Caucasus during the Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic.....	128

NEW NATURAL-SCIENCE CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Nesmeyanov</i> . Problems associated with the use of microfacies analysis in the study of the Caucasian Early Paleolithic cave sites	142
<i>G. F. Baryshnikov</i> . Kudaro cave bear: evolution, taphonomy, extinction.....	158
<i>M. V. Sablin</i> . Fauna of the Mukhkai 2 site.....	176
<i>M. M. Gerasimova</i> . Paleoanthropological find from the Upper Paleolithic site of Markina Gora (Kostenki-14): facts and interpretations	187
<i>S. V. Vasilyev, S. B. Borutskaya</i> . Morphology and taxonomy of the oldest man from Dmanisi	204
List of abbreviations	216

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ МАРКИНА ГОРА (КОСТЁНКИ-14). ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

М. М. ГЕРАСИМОВА²

Выводы каждой отрасли науки должны покоиться на собственных материалах, а не навязаны данными смежной науки.
(Седов 1979: 17)

Самым важным, самым необходимым условием является внимательное отношение к черепу, как биологическому объекту, а не комбинации размеров.
(Дебец 1948: 28)

Ключевые слова. *Средний Дон, верхний палеолит, Костёнки, палеоантропология, многомерный анализ, патология, дифференциальная диагностика.*

Предлагаемая статья является критическим обзором появившихся в последние 3–4 года в отечественной литературе статей, претендующих на новый подход к исследованию уникальной палеоантропологической находки на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора (Костёнки-14) на Среднем Дону. На настоящий момент это самые древние в Восточной Европе датированные останки человека современного вида. Ревизия работ прошлых лет была инициирована палеогенетическими исследованиями, показавшими: а) наличие в геноме мужчины К-14 участков неандертальской ДНК, более длинных, чем у современных европейцев, б) принадлежность генной структуры его к базовой евразийской последовательности. В статьях обсуждаются, главным образом, две проблемы — таксономическое положение индивида К-14 и его расовая принадлежность. Новые подходы, а именно применение методов многомерной статистики, с точки зрения авторов «ремейков», выявили разительное отличие их выводов от выводов более ранних, принадлежащих Г. Ф. Дебецу, В. П. Якимову, В. В. Бунаку, В. П. Алексееву. Ни предпринятые в новейших работах многочисленные статистические анализы размерных признаков черепа и скелета К-14, ни привлечение в качестве аргумента данных палеогенетики, несмотря на декларируемые разительные отличия в выводах, ничего нового не внесли. Напротив, дали основательное подтверждение прежним представлениям о принадлежности индивида К-14 к современному

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² Центр физической антропологии ИЭА РАН, г. Москва, 119334, Россия.

виду человека. Не лучше обстоит дело и с отрицанием гипотезы экваториального происхождения индивида К-14, якобы разделяемой авторами прошлых лет. Положение этой находки в работах прежних лет обсуждалось только в рамках различных схем территориальной и временной дифференциации верхнепалеолитического европейского населения, и никогда — из областей распространения экваториальных современных вариантов. Проведенные канонические анализы, ставившие себе цель опровергнуть якобы высказанные ранее точки зрения, не только не опровергли их, как полагают авторы новейших исследований, а напротив, показали, что череп К-14 не проявляет сколько-нибудь тропической тенденции. Отдельно рассмотрена в статье проблема разрешающих возможностей палеопатологических исследований индивида и роль их в трактовке эволюционного процесса.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-187-203

Введение

В настоящей статье речь пойдет об уникальной верхнепалеолитической находке костных останков из погребения на стоянке Костёнки-14 (Маркина Гора). Много лет об этой находке почти никто из антропологов и не вспоминал. И вот в течение последних 3–4 лет скелет из погребения на стоянке Костёнки-14 (далее К-14) становится объектом пристального внимания, спровоцированного работами палеогенетиков. Особенно находка интересна тем, что на настоящий момент это самые древние в Восточной Европе датированные останки человека верхнепалеолитического времени. Факт обращения к этой находке весьма отраден, она таит много загадок. Актуальность появления «ремейков» находит свое объяснение в изменении парадигм в теории эволюционной антропологии и палеолитоведении, в развитии и обновлении методов и областей исследования (например — одонтологии) и, таким образом, в новых возможностях решения старых проблем.

Тем досаднее, что анализ появившихся новых исследований приходится начать с развернутой критики результатов, нашедших отражение в публикациях ряда статей группы исследователей (Моисеев, Хартанович 2015; Медникова и др. 2016; Хартанович и др. 2016; Моисеев и др. 2017), претендующих на другой подход к рассмотрению обозначенных материалов.

Действительно, в последние десятилетия существенно изменились подходы к изучению древних палеоантропологических находок. Это биологическая индивидуальная реконструкция, которая подразумевает как можно более полное и детальное восстановление биологических особенностей отдельных индивидов не столько в эволюционном, сколько в адаптивном аспекте. Измерительные и описательные методы макроморфологии дополняются гистологическими, рентгенографическими, томографическими и т. п. Новым аспектом, получившим отражение в названных статьях, является реконструкция образа жизни «маркинца»: диеты — посредством изучения изотопного состава кости, физической активности индивида — путем изучения развития рельефа костей скелета, травм и патологий с применением методов микрорентгенографии и микротомографии.

Кроме того, применение методов многомерной статистики к анализу краниологических и остеологических признаков, методов, которых ранее, по мнению авторов указанных работ, не было в арсенале исследователей. При этом они считают это новым подходом к изучению и анализу древнего ископаемого материала. Между

тем это не новый подход, а применение иных методов не столько анализа, сколько статистической обработки материалов и презентации, визуализации ее результатов.

Основной же пафос этих статей состоит в том, что это комплексные исследования. Между тем в статьях легко узнаются отдельные тексты каждого из авторов-антропологов, но почти нет следов взаимодействия между ними и тем более между генетиками и антропологами. Имеются ссылки на генетические работы, но не более. Однако выводы, основанные на данных генетических исследований и изложенные достаточно общо, считаются основополагающими. Выводы генетиков определяют ход морфологических исследований, сравнительный фон при проведении многомерных статистических анализов, и главным достижением морфологического изучения является согласованность с генетическими выводами довольно общего плана (в интерпретации антропологов). Причем авторы, видимо, забывают, что даже по различным системам морфологических признаков (краниологическим, остеологическим, одонтологическим и т. д.) классификации человечества различаются. И здесь я отсылаю читателя к первому эпиграфу своей статьи.

С точки зрения авторов «новых» подходов, они выявили разительное отличие выводов новейших исследований от выводов более ранних, принадлежащих Г. Ф. Дебецу, М. М. Герасимову, В. П. Якимову, В. В. Бунаку, В. П. Алексееву.

Для того чтобы оценить вклад новых исследований скелета К-14, необходимо вспомнить тот багаж данных и те интерпретации, которые содержались в предшествующих работах.

Краткая историография изучения черепа и скелета из Костёнок-14

Удивительно, но библиография прошлых лет, посвященная изучению палеоантропологических находок из Костёнок вообще и человеку из погребения на стоянке Костёнки-14 в частности, немногочисленна, хотя и прекрасная сохранность скелета, и необычное для Восточной Европы сочетание краниологических признаков могли бы предполагать бóльший резонанс (Дебец 1955; 1961; Якимов 1957; Кочеткова 1965; Бунак 1973).

Г. Ф. Дебец, исследовавший череп и скелет из К-14 64 года тому назад, исходя из представлений о ранней дате погребения, специально отмечал отсутствие неандерталоидных признаков в черепе и скелете, за исключением очень сильного наклона суставной поверхности большеберцовой кости, и подчеркивал, что определение видовой принадлежности не вызывает сомнений. Это — *Homo sapiens*. Череп К-14, получивший в литературе название «негроид с Маркиной Горы» (что является не более чем фигурой речи, как и «негроиды Гримальди»), удивляет своим необычным для Восточной Европы сочетанием признаков, а именно прогнатизма, широкого носа и низкого переносья, с сильным выступанием носовых костей, максимальным для европеоидных групп. Г. Ф. Дебец считал, что в формировании верхнепалеолитического населения Русской равнины принимали участие древние формы современных рас, собственно кроманьонская (К-2 и К-18), брно-пшедмостская (К-15) и гримальдийская (К-14). Причем, если по поводу гримальдийского варианта в литературе высказывались сомнения в его реальности из-за плохой сохранности обоих черепов и различных реконструкций черепа юноши, то прекрасная сохранность черепа из К-14 исключала всякие сомнения в реальности широконосового прогнатного варианта на территории Восточной Европы. При этом Г. Ф. Дебец обращал

внимание на то, что как «негроиды Гримальди» предшествовали кроманьонскому варианту из Гримальдийских гротов, так равным образом человек из К-14 предшествовал К-2, представителю собственно кроманьонского типа (Дебец 1955).

В. П. Якимов выделял среди верхнепалеолитического европейского населения группу «восточных кроманьонцев», объединяя череп из К-15 с моравскими черепами (Пшедмост IV, в частности) и присоединяя к ним череп из К-14, который он считал крайним вариантом этого полиморфного типа (Якимов 1957).

М. М. Герасимов, автор пластической реконструкции, изобразивший его с курчавыми волосами, отмечая прогнатизм и широкий нос этого индивида, тем не менее не считал его «негрским», так как он имел ряд признаков, общих для всех верхнепалеолитических форм *Homo sapiens* (Герасимов 1964: 124). С интересными реконструкциями объема мозга индивида из К-14 выступила В. И. Кочеткова (1965). Она отметила, что «маркинец» обладал наименьшей вместимостью мозговой коробки из всех известных на тот момент верхнепалеолитических форм, не выходящей тем не менее за пределы вариаций современного человека.

В. П. Алексеев в своей сводке данных по палеолиту, также выделяя гримальдийский вариант среди верхнепалеолитического европейского населения, буквально в двух словах высказал предположение о возможно неавтохтонном происхождении индивида из К-14 (Алексеев 1978: 184). В более поздней работе он привлекал череп К-14 для иллюстрации расогенетических процессов внутри западного очага расообразования, где формировались исходные варианты для негроидов, австралоидов и европеоидов. Он постулировал австралоидный комплекс как промежуточный между европеоидами и негроидами. Популяции таких протоавстралоидов спорадически проникали в южные районы Европы. Именно такое сочетание чрезмерно выраженных признаков (прогнатизма и большого угла выступания носовых костей) скорее предполагает типичность для протоморфной популяции (Алексеев 2007: 126).

В. В. Бунак, напротив, череп К-14 и женский череп из Гримальди считал уклоняющимися формами, у которых угол носа и угол прогнатизма не находятся в соответствии друг с другом и другими особенностями строения лица и лежат за пределами нормальной изменчивости верхнепалеолитических европейских форм. Такие «негармоничные формы» возникают обычно в процессе формирования типа и лишь на последующих этапах возникают консолидированные типы, имеющие согласованное строение отдельных элементов, в связи с увеличением численного состава отдельных групп населения (Бунак 1973; 1980).

В костёнковских находках отразилась вся сложность и многогранность проблем дифференциации и взаимоотношений различных территориальных, культурных и хронологических вариантов верхнепалеолитического европейского (подчеркиваю) и в меньшей степени (из-за малочисленности находок) евразийского населения³.

Морфологические особенности посткраниального скелета в отечественной литературе не обсуждались. Затем, в связи со столетием раскопок в Костёнках и публикацией итогов этих раскопок, мной был пересмотрен опубликованный ранее материал, домерены краниологические и остеологические признаки, не взятые

³ Сводку различных точек зрения отечественных и европейских антропологов см.: Гохман 1966; Алексеев 1978; Бунак, Герасимова 1984; Зубов 2004.

прежде. В последующих работах были подведены итоги ранее проведенных исследований, высказано несколько предположений о происхождении человека из К-14, основанные на особенностях в строении его скелета, а именно отсутствии адаптационного комплекса к суровому климату обитания, подобного индивиду Сунгирь 1, очерчены задачи дальнейшего изучения этой уникальной находки (Герасимова 1982; 1987; 2006; 2010).

По итогам исследований прошлых лет скелета из К-14 может быть сделан вывод, не вызывающий никаких сомнений: на Русской равнине наряду с другими верхнепалеолитическими вариантами зафиксирован вариант, отличающийся грацильностью телосложения, низкорослостью, небольшими размерами головы и лица и необычным сочетанием широкого, сильно выступающего носа с выраженным прогнатизмом. Каково его происхождение — оставалось неясным. Однако общая точка зрения была прекрасно сформулирована В. В. Бунаком, вне зависимости от вышеизложенных схем территориальной и временной дифференциации известного в то время верхнепалеолитического человечества, не выходящих, впрочем, за рамки рабочих гипотез. Он писал по поводу черепа К-14, который называют «негроидным», что более точное название было бы «папуасообразный», что, конечно, не означает его происхождения из современных областей распространения названных типов (Бунак 1973).

Какие же проблемы решались и решаются сейчас при повторном исследовании этой старой находки с использованием новых методов исследования, с учетом расширения сравнительной базы в связи с возросшим количеством новых находок, применением новых методов статистической обработки материалов и представления их результатов, в частности, многомерной статистики? Остановлюсь на трех из них.

Проблема систематического положения индивида из Костёнок-14

А. Н. Рогачёв, автор раскопок погребения на стоянке К-14, предполагал ранний возраст его (Рогачёв 1955), несмотря даже на полученную тогда довольно позднюю дату погребения. Как показало время, он был прав, и древность находки с разработкой все более точных методов прямого датирования возрастает и возрастает, так же как возраст подстилающих и перекрывающих погребение отложений все удревняется, и на сегодняшний день это самые древние останки сапиенса на Русской равнине и в Восточной Европе (см.: Синицын 2015 и др.).

Одним из результатов исследований археологии Костёнок является представление о значительной древности некоторых стоянок этого региона и о принципиальных различиях в инвентаре этих памятников — вполне сформировавшемся верхнепалеолитическом и архаическом с мустьерскими традициями. Факт достаточно интересный, особенно в связи с отказом от жесткой причинно-следственной связи таксономического ранга гоминид и типа каменной индустрии и признанием существования достаточно хорошо сохранявших свой таксономический облик *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*.

Как уже было сказано, морфология черепа К-14 исключает всякие сомнения в принадлежности этого индивида к современному человеку (Дебец 1955). Строение посткраниального скелета К-14 также показало, что по большинству исследованных метрических характеристик и значений указателей он не выходит за пределы вариаций современного человека (Герасимова 1987; 2006) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Особенности телосложения верхнепалеолитических людей (по формулам Г. Ф. Дебеца)

Находки	УДН**	УПОС	W	L	W/L ³	S	W/S
Сунгирь 1*	50,71	9,44	80,0	179,5	1,40	1,99	40,2
Костёнки-14	47,98	5,88	54,3	160,8	1,32	1,56	34,80
Пшедмост IX	48,54	5,90	56,0	167,5	1,19	1,61	34,77
Пшедмост XIV	49,94	6,26	57,2	168,0	1,20	1,62	35,27
Пшедмост III	50,65	8,13	70,2	176,9	1,28	1,84	38,18
Оберкассель	51,69	8,95	75,2	164,4	1,70	1,83	40,0

* По: Дебец 1967.

** УДН — указатель длины ноги; УПОС — условный показатель объема скелета; W — вес; L — длина тела; W/L³ — индекс Ропера; S — поверхность тела; W/S — отношение веса к поверхности тела.

Между тем данные палеогенетики, к которым апеллируют вышеупомянутые авторы, свидетельствуют о наличии в геноме мужчины К-14 участков неандертальской ДНК, более длинных, чем у современных европейцев (Хартанович и др. 2016: 8). Отсюда делается вывод о «скрещивании с неандертальцами, случившемся около 54 тыс. лет тому назад» (Медникова и др. 2016: 32). Таким образом, целый ряд когда-то обсуждаемых вопросов на основании данных палеогенетики вновь актуализируется в проблему участия неандертальцев в формировании человека современного вида (Медникова 2000; Медникова и др. 2016). В частности, это вопросы об авторстве индустрий так называемого переходного типа (Зубов 1994; Аникович 1997; 2004; Козинцев 1997), о наличии неандерталоидных черт у ископаемого человека современного вида, который обсуждался на примере сунгирских находок, и о таксономическом ранге неандертальцев. В связи с данными генетики коллективом авторов рассматриваемых работ было предпринято сопоставление остеологических признаков индивида из К-14 с «наиболее ранними носителями современного анатомического комплекса в Азии (как на Ближнем Востоке, так и в Китае), а также с неандертальцами» (Хартанович и др. 2016: 8). Бивариантный график соотношения наибольшей длины и наименьшей окружности плечевой кости 43 находок верхнего и среднего палеолита показал, что индивид из Маркиной Горы попадает в центр поля изменчивости верхнепалеолитических сапиенсов.

Результаты компонентного анализа длинных костей скелета по девяти признакам 16 форм (три находки группы Схул-Кавзех, пять находок из местонахождения Пшедмости, три находки из Гримальдийских гротов, две — из Арен-Кандид, одна — из Сунгиря, одна — из К-14, одна — из Континенцы), целью которого было показать дивергенцию ближневосточных, азиатских сапиентных и неандертальских форм, оказались не очень выразительны. Формы из одного и того же местонахождения попадают в различные кластеры, китайская находка из Тяняня, хотя и упоминается в тексте, в многомерном анализе отсутствует. Средний палеолит представлен специфической группой переднеазиатских форм. Отмеченный Г. Ф. Дебецем неандерталоидный признак в анализе не участвовал и никаким образом не обсуждался. Примечательным выводом авторы считают отсутствие вариантов, сходных с К-14 в круге так называемых «ранних сапиентных форм» Азии (Схул-Кавзех и Тянянь) и Европы (Сунгирь 1). Поскольку китайская находка в анализе не участвовала, о ее сходстве или отличиях говорить не приходится, а для того чтобы констатировать

отличие К-14 от переднеазиатских форм или Сунгирь 1, достаточно простых измерений, которые более чем выразительны!

В. П. Алексеев предполагал отсутствие ощутимой разницы между верхнепалеолитическими людьми и формами среднего палеолита в длине тела, считал, что она близка современной средней норме и что даже на одной территории были представлены как высокорослые, так и низкорослые формы (Алексеев 1978: 178–179). Именно об этом говорит проделанный анализ. К такому же выводу М. Б. Медникова пришла еще в 2000 г. (Медникова 2000: 388). Однако тогда в анализ рассматриваемых форм К-14 не вошли. Самыми низкорослыми формами были признаны индивиды из местонахождения Арен-Кандид. Таким образом, ничего нового в трактовку рассматриваемой проблемы в этом ракурсе доказательств новые разработки не внесли.

Более убедительно выглядит анализ размерных признаков бугристости 3-й дистальной фаланги кисти К-14. Значения этих признаков находятся в центре поля изменчивости верхнепалеолитических сапиенсов, четко отделенных от большинства неандертальцев с их длинными и широкими ногтевыми фалангами (Медникова и др. 2016). Таким образом, на морфологическом уровне получено еще одно подтверждение принадлежности индивида из К-14 к современному виду человека. Эта точка зрения согласуется с точкой зрения, высказанной М. Б. Медниковой полтора десятилетия тому назад, утверждавшей, что ни морфологические критерии, ни воссоздаваемые особенности жизненной стратегии не дают основания для концепции происхождения верхнепалеолитического населения от европейских неандертальцев. Эта точка зрения также была подкреплена успехами молекулярной биологии (Медникова 2000: 393). никоим образом не сомневаясь в новейших генетических данных, хочу заметить, что они свидетельствуют как раз об обратном. Если автор исследования поменял свою точку зрения, то хотелось бы увидеть его аргументацию и понять, почему новейшие палеогенетические данные заставляют игнорировать его морфологические наблюдения.

Поэтому, при всем желании, трудно согласиться, что палеогенетические исследования, как полагают вышеупомянутые авторы, не противоречат морфологическим. Сам факт несовпадения интересен и требует рассмотрения. Привлечение данных смежной науки в качестве доказательств не только не проясняет вопрос, а вновь нас отсылает к старой проблеме таксономического ранга неандертальских форм (отдельный вид или подвид), активно обсуждаемой антропологическим сообществом в последней четверти прошлого века (см.: Зубов 2004), — к проблеме, не поставленной и не получившей в рассматриваемых работах хоть какого-нибудь освещения, несмотря на применение методов многомерной статистики и ссылок на данные палеогенетики.

Проблема расовой принадлежности индивида К-14

В работах упомянутого коллектива акцентируется идея, что первые исследователи совершенно неправомочно приписывали черепу из погребения на стоянке Маркина Гора негроидные черты и сходство с населением Австрало-Меланезийского региона (Хартанович и др. 2016; Моисеев и др. 2017: 12). Мне трудно понять, чем объясняется столь примитивная трактовка представлений, высказанных более полувека тому назад нашими Учителями. Возможно, погрешностями, которые

возникают, когда обращаются не к оригинальному тексту, а к многочисленным пересказам и неточным цитированиям. Возможно, отсутствием новых идей, желанием самоутвердиться, что легче всего сделать, ниспровергая прежние авторитеты.

Для опровержения как будто бы высказанной гипотезы авторами из статьи в статью приводятся результаты одного и того же канонического анализа стандартного набора 14 измерительных признаков 37 древних серий (мезолит — РЖВ) с территории России, четырех близких к современности серий с территории Юго-Восточной Азии и Новой Гвинеи и черепа К-14. Анализ показал, что череп К-14 не проявляет сколько-нибудь тропической тенденции (Хартанович и др. 2016). Следует отметить, что проведенный канонический анализ несколько уязвим для поставленной задачи, поскольку в анализируемые признаки не были включены ни указатель Фогта-Флауэра или признаки, его составляющие, ни угол альвеолярной части лица к его профилю, ни углы лицевого треугольника. Эти признаки обычно не входят в тот стандартный набор анализируемых признаков, для которых существует матрица усредненных корреляций, а именно к нему прибегают авторы. То есть практически этот анализ бессмысленен.

К тому же следует помнить, что при диахронном сравнении существует «опасность» направленного изменения признаков во времени, и поэтому преемственность морфологических вариаций требует проявления их на одной и той же или близких территориях. На это обращали внимание и Г. Ф. Дебец, и В. П. Алексеев, поскольку морфологически близкие формы могут занимать разное таксономическое место в различные эпохи. Исключение же из набора признаков угла выступающего носа, который находится в максимуме для европеоидных форм у черепа К-14, в анализе, проведенном этими же авторами, в определенной степени сделало ареал анализируемых серий более компактным и не столь разительно отделенным от экваториальных форм, что признают сами авторы и что также ожидаемо, поскольку в наборе признаков отсутствуют расово-дифференцирующие признаки экваториальных и европеоидных форм.

И далее — цитирую: «Можно с уверенностью утверждать, что результаты этого анализа краниометрических характеристик в значительной степени согласуются с выводами генетики» (Моисеев и др. 2017: 18). О чем же говорит генетика? «Был выделен и секвенирован достаточно большой участок нуклеарной ДНК. На основе статистического анализа последовательности однонуклеарных полиморфизмов (SNPs) была продемонстрирована принадлежность генной структуры индивидуума из Маркиной горы к базовой евразийской последовательности. <...> Из современных популяций наибольшее сходство наблюдается с населением Северной Европы» (Хартанович и др. 2016: 7). Почему именно с Северной Европой — не обсуждается. Никто и никогда не отрицал евразийское происхождение этой формы. Следует вспомнить о том, что в К-14 была выделена также полная последовательность митохондриальной ДНК, которая относится к гаплогруппе U2, распространенной в современных популяциях на территории Европы, Северной Африки и Западной Азии (Моисеев и др. 2017: 18). Как раз эта тема могла бы стать предметом дискуссии. Привлечение генетических маркеров имеет свои разрешительные возможности и пределы, которые антропологи, не являясь специалистами, не всегда могут адекватно оценить, что, естественно, не усиливает доказательную базу последних. Позволю себе еще одну цитату: «...мы должны быть готовы к тому, что

на данном этапе исследования мы вынуждены оперировать с морфологическими категориями, степень различия или сходства которых совсем не обязательно будет совпадать со степенью родства» (Дебец 1948: 20). То есть мы неизбежно столкнемся с проблемой соотношения морфологической систематики и филогенеза.

Итог проведенных анализов и сокрушительной критики в адрес «отцов-основателей» — радостная констатация того, что выполненные анализы морфологических характеристик черепа согласуются с данными генетики, а череп К-14 никакого отношения к экваториальным формам не имеет. Уважаемые авторы рассмотренных публикаций ломались в открытые ворота. Они прилагали массу усилий из статьи в статью для того, чтобы опровергнуть то, что ни Г. Ф. Дебец, ни М. М. Герасимов, ни В. П. Алексеев, ни другие исследователи не утверждали. Таким образом, проблема продолжает оставаться дискуссионной, несмотря на привлечение данных палеогенетики. Происхождение этой формы так и не выяснено, как и ее роль в поздних процессах формирования населения Восточной Европы, учитывая разительное отличие от другой верхнепалеолитической находки — Сунгирь 1.

Проблема разрешающих возможностей палеопатологических исследований индивида и их роль в трактовке эволюционного процесса

В настоящее время большое количество палеоантропологических работ посвящается изучению патологий. Как известно, палеопатологические исследования основаны на фиксации патологических проявлений на костях скелета. Причем в той мере, в какой они отражают дистрофию и дисплазию костной ткани как эндогенного, так и экзогенного происхождения (Русаков 1959; Рохлин 1965; Алексеев 1979; Бужилова 1995; 1998; 2000б; 2005; Медникова 2013; Медникова и др. 2016). Безусловно, определение на костях скелета следов перенесенных заболеваний, стрессов и травм служит неоценимым источником для реконструкции образа жизни, обеспеченности пищей, уровня медицинских знаний, обычаев и обрядов, связанных с телесной деформацией и т. п. Своего рода история повседневной жизни ископаемого человека. Однако некоторые выводы «клинического» плана и экстраполяция палеопатологических диагнозов на ход эволюционной истории заслуживают серьезного обсуждения.

Развитие новых методов исследования костных останков, в частности микро-рентгенологии, 3D-томографии и т. п., необъяснимым для меня образом сформировало представление о том, что антрополог может внедряться в область дифференциальной медицинской диагностики. С одной стороны, это вызывает очевидную эйфорию у тех антропологов, кто считает это возможным. С другой стороны, производит на неискушенных читателей, археологов и даже антропологов завораживающее впечатление об огромных разрешающих возможностях палеопатологии. И А. П. Бужилова, и М. Б. Медникова пишут о том, что ими для определения патологии применяется дифференциальная медицинская диагностика (Бужилова 2000а; 2000б; Медникова 2013). Что же это такое? Поскольку многие заболевания имеют схожую симптоматику, дифференциальное диагностирование — это способ, последовательно исключая возможные заболевания, симптомы которых не отвечают состоянию исследуемого больного, что сводит диагноз к единственно вероятной болезни. Этот метод, требующий исключительной медицинской квалификации, подразумевает, что наблюдения, начиная с анамнеза и состояния больного,

собраны по всем системам организма. Палеоантрополог же имеет дело только с одной системой, скелетной, и диагностика, таким образом, сводится к рентгенологическим, изредка гистологическим или биохимическим показаниям. Об этом надо помнить, оценивая интерпретационный вес исследования.

К чему эта преамбула? К тому, что М. Б. Медникова (Медникова и др. 2016) выступила с довольно «оригинальной» гипотезой генетической отягощенности индивида из Костёнок-14. Рассмотрим ход ее рассуждений. Прекрасное исследование кисти индивида К-14 и регистрация множественных медулярных стенозов дистальных и медиальных фаланг обеих кистей рук и высокий уровень кортикализации проксимальных и пястных костей левой кисти приводят ее к заключению о подобном генерализованном состоянии всей скелетной системы К-14. И о «крайне тяжелом скелете, явно выходящем за рамки нормального развития опорно-двигательного аппарата» (Там же: 30). Почему? На каком основании? Если раньше исследователи подчеркивали миниатюрность этого человека, подразумевая субтильность и низкую массу тела, «то сегодня мы можем аргументированно говорить, что у него был исключительно тяжелый скелет», — пишет М. Б. Медникова (Там же). Не совсем понятно, что имеет в виду автор — вес костей, дошедших до настоящего времени, зависящий и от условий залегания, и от способов консервации? Или несогласие со своего рода реконструкцией габитуса индивида К-14 (Герасимова 1987), в целях сравнения с реконструкцией габитуса индивида из Сунгирия, предложенной Н. Н. Хрисанфовой (Хрисанфова 1979; 1980; 1984). Обе эти реконструкции, полученные аналогичным путем, были предприняты для сравнения этих двух форм в плане приспособленности к окружающей среде обитания. Обе они представляют собой интерпретацию фактического материала, то есть метрических характеристик длинных костей скелета (табл. 1).

Далее М. Б. Медникова отмечает, что медиальные и дистальные фаланги демонстрируют «зубовидную» структуру с полным отсутствием костномозгового пространства в значительной части диафиза, а в современных популяциях зубовидные эпифизы манифестируют целый ряд заболеваний, таких, как гипотиреозидизм, остеопетроз (врожденный остеосклероз), семейную артропатию пальцев и еще целый ряд различных синдромов. Один другого страшнее! Из предлагаемых в литературе гипотез, объясняющих внутреннюю массивность трубчатых костей (биомеханический фактор или влияние пониженной секреции щитовидной или паращитовидной железы), М. Б. Медникова выбирает вторую. Почему? Существует обширная литература, в том числе отечественная, посвященная внутренней структуре костей кисти в зависимости от пола, возраста и физических нагрузок (Никитюк, Бевзюк 1971а; 1971б; Павловский 1987; Павловский и др. 1998, Бацевич и др. 2006; 2011; 2013; 2018). Весьма вероятно, пишет М. Б. Медникова, индивид К-14 «был наделен одной из мутаций, связанных с врожденным гипопаратиреозидизмом» (Медникова и др. 2016: 31). Почему? На каком основании? Что послужило основанием для такого диагноза? Гипопаратиреоз обнаруживается, по меньшей мере, при шести врожденных синдромах, в том числе при синдроме Кенни-Коффи. Именно им, по мнению М. Б. Медниковой, страдал индивид из К-14. Диагностика этого синдрома включает анамнез, осмотр больного с выявлением симптомов (судороги и т. п.), инструментальные и лабораторные исследования (Ривкин и др. 2005). И хотя классификация врожденных остеосклерозов базируется не столько на радиологических

данных, сколько на анамнезе, генетических и биохимических данных, исследовательница делает вывод о наличии у индивида из К-14 наследственной патологии наподобие синдрома Кенни-Коффи.

Синдром Кенни-Коффи — врожденный стеноз костномозговых полостей длинных трубчатых костей. Наследственное заболевание, точный тип наследственности не установлен. Проявляется у новорожденных. Характеризуется пропорциональной карликовостью, маленьким лицом, выпуклым лбом, эпизодическими судорогами, связанными с гипокальциемией, миопией и другими зрительными нарушениями (Меженина и др. 1982). Среди проявлений этого синдрома на скелете регистрируется низкорослость или даже карликовость, стеноз костномозговых полостей длинных трубчатых костей (а не мелких трубчатых костей кисти), маленькие стопы и кисти, краниофациальные аномалии, отсутствие диплоэ в своде черепа, дефекты зубной эмали и кариес.

Рассмотрим, как эти проявления фиксируются на скелете К-14. М. Б. Медникова обращает внимание на аномально малый рост индивида с Маркиной Горы. Ею приведена реконструированная длина тела (по Троттер и Глезер) в 159–160 см, значительно отличающаяся от длины тела индивида Сунгирь 1 (по данным Тринкауса). Кстати, почему предпочтение отдается этим данным, а не данным автора первого исследования посткраниального скелета индивида Сунгирь 1 (Хрисанфова 1979; 1980; 1984; 2000а; 2000б)? Длина тела индивида из К-14 высчитывается по формуле для негроидов. Почему М. Б. Медниковой выбрана формула для негроидов? Ведь коллеги и соавторы ее «доказали» отсутствие тропических тенденций, а значение берцово-бедренного индекса у индивида К-14 — в пределах размаха изменчивости европейцев (табл. 2).

Таблица 2

**Пропорции тела индивида К-14 (по: Герасимова 1987)
и некоторые сравнительные данные (по: Хрисанфова 1980)**

Указатели	Костёнки-14, прав./лев.	Сунгирь 1, прав./лев.	Современные групповые пределы
Лучеплечевой	80,7/80,1	78,9/78,9	71,3– 81,5
Берцово-бедренный	81,6/81,8	83,6/84,4	81,0–85,6
Интермембральный	70,8/70,6	70,8/68,8	66,3–74,4
Плечебедренный	71,2/71,2	72,7/70,8	68,8–72,9
Лучеберцовый	70,4/69,7	68,6/66,4	62,6–70,9

Воспользуемся данными сводки В. П. Алексеева (1978) и составим сравнительную таблицу реконструированных длин тела по разным формулам (табл. 3). Кроме Сунгирия для сравнения взяты формы с наибольшей длиной бедра (Барма-Гранде I) и наименьшей (Пшедмост I). Эта таблица дает отчетливое представление о слабых реконструктивных возможностях применяемых формул, но, тем не менее, с очевидностью позволяет утверждать, что индивид из К-14 не был карликом.

Таблица 3

Реконструируемая длина тела индивида К-14 по формулам разных авторов
(по: Алексеев 1978)

Формулы	Барма-Гранде I	Пшедмост I	Сунгирь 1	Костёнки-14
Пирсон-Ли	181,7	156,5	176,3	160,8
Тоттер-Глезер, для монголоидов	184,5	159,0	180,7	165,4
Тоттер-Глезер для европеоидов	188,0	159,5	184,0	167,7
Тоттер-Глезер для негроидов	181,5	156,5	177,9	162,9
Оливье	185,4	158,1	181,8	164,4
Бунак	185,0	–	178,8	161,7
Дебец	185,5	–	183,4	164,7

Следующий симптом — кранио-фациальные аномалии. Рассмотрим несколько кранио-фациальных индексов, применяемых в стандартной краниологической программе (табл. 4). Приведенные данные свидетельствуют об обратном. Все кранио-фациальные индексы в пределах изменчивости верхнепалеолитических европейских форм и современного человечества (по: Алексеев, Дебец 1964). У индивида К-14 действительно очень малый мозговой модуль и самый малый объем мозговой полости (Кочеткова 1965), тем не менее они также в пределах нормы.

Таблица 4

Кранио-фациальные указатели некоторых верхнепалеолитических черепов
(по: Алексеев 1978; Бунак, Герасимова 1984)

Указатели	40:5	40:1	45:8	48:17
Костёнки-14	105,1	57,5	103,1	45,4
Сунгирь 1	110?	53,2	98,6	58,5
Кро-Маньон 1	100,0	50,5	94,0	53,0
Комб-Капелль	90,8	47,5	102,2	57,2
Оберкассель	92,3	49,2	105,2	52,7
Шансеяд	85,8	59,0	100,7	52,0
Пшедмост IX	101,0	55,1	93,7	50,7
Грот Детей	88,0	44,2	105,2	50,0
Барма-Гранде II	97,4	52,2	100,7	57,9
Min-max (n = 15)	82,6–106,5	–	86,9–105,2	45,6–58,5

Третий симптом — маленькое лицо. Высота лица «маркинца» в категории очень малых величин, но скуловой диаметр — в категории средних. Что касается маленьких стоп и кистей рук, то у нас отсутствуют данные об их изменчивости в палеолите. Можно подозревать, что эта изменчивость не носила ярко выраженного популяционного характера. Во всяком случае размерные характеристики отдельных костей стопы и кисти не выходят за рамки изменчивости верхнепалеолитических форм

(Герасимова 1987). Тем более сама М. Б. Медникова указывает на факт срединного, равноудаленного положения К-14 в поле поздних кроманьонцев Центральной и Южной Европы по размерным признакам мелких трубчатых костей кисти (Медникова и др. 2016: 30).

И, наконец, соображения автора о некотором дефекте зрения, который давал верхнепалеолитическому охотнику странные преимущества выслеживать добычу (Там же: 30). Для обоснования дефектов зрения у нас вообще нет никаких оснований, поскольку отсутствуют весомые доказательства связи между размерами глазниц и размерами глазного яблока. И тем более между тонкими структурами глаза, отвечающими за остроту зрения.

Кариес и отсутствие диплоэ в своде черепа у индивида К-14 также пока не выявлены (см. приведенную библиографию работ этого исследовательского коллектива).

В итоге М. Б. Медникова делает вывод, что «человек из Костёнок 14 несомненно воплощает комплекс черт, закрепившихся за европейцами, начиная с палеолита» и что метапопуляция, родственная индивиду К-14, была весьма успешной в эволюционном плане (Там же: 30–31). То есть карлики, отягощенные плохим зрением?

Ущербность доказательной базы исследования компенсируется для читателя увлекательностью повествования о проявлениях синдрома, выявленного якобы у индивида К-14, у ряда берберских племен и описанием клинических наблюдений отдельных больных.

Заключение

К сожалению, после прочтения разбираемых статей складывается впечатление, что коллектив исследователей и авторов статей достаточно небрежно отнесся не только к наследию наших Учителей и старших коллег, но и к собственным текстам. Усилия авторов опровергнуть высказанную гипотезу об австрало-меланезийском или папуасском происхождении этой формы оказались бесплодными, поскольку такая гипотеза никогда не высказывалась. Генетические данные авторами разбираемых статей трактуются примитивно, и выводы оказываются «притянутыми за уши», хотя они могли бы послужить толчком для постановки интересных и важных проблем, не только связанных с жизнью отдельного индивида, но и общего характера.

Подведем итоги: что же нового об этой находке мы узнали из последних работ? О предполагаемой аномалии в строении кисти индивида с Маркиной Горы, этимология которой пока не выяснена. О физических нагрузках и пищевых диетах, характер которых и так предполагался из всей суммы имеющихся данных по палеолиту. О травмах и причине смерти этого индивида. Все это очень интересно и нужно, но кардинальные вопросы, связанные с этой находкой, пока не получили ответа, несмотря на «новые подходы», новые методики и расширение областей изучения останков древнего человека.

Хочется надеяться, что на новом витке развития наших знаний следующие поколения исследователей, черпая идеи из опыта наших Учителей, соглашаясь или споря с ними, будут бережнее относиться к их работам, потому что, перефразируя известное выражение, если они и видят дальше своих предшественников, то только потому, что стоят на их плечах («пигмеи, стоящие на плечах великанов, видят дальше самих великанов» — R. Burton. *The Anatomy of Melancholy*).

Литература

- Алексеев 1978 — Алексеев В. П. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978. 283 с.
- Алексеев 1979 — Алексеев В. П. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.
- Алексеев 2007 — Алексеев В. П. Антропогеография / Алексеева Т. И. (отв. ред.). Избранное. М.: Наука, 2007. Т. 2. 544 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Аникович 1997 — Аникович М. В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Величко А. А., Соффер О. А. (отв. ред.). Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997. С. 141–155.
- Аникович 2004 — Аникович М. В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Экология и демография человека в прошлом и настоящем: Тезисы третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 17.
- Бацевич, Павловский 2011 — Бацевич В. А., Павловский О. М. Темпы старения костей кисти у городского и мигрантного взрослого населения // Современные проблемы экологии человека: Тезисы МНК, посвящ. памяти О. М. Павловского и В. П. Волкова-Дубровина. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 47–48.
- Бацевич и др. 2006 — Бацевич В. А., Павловский О. М., Максинев Д. В., Ясина О. В., Мансуров Ф. Г. Возрастные остеомерфные показатели костей кисти как индикатор экологического благополучия популяции // Вестник Тамбовского ГУ. Серия Естественные и технические науки. 2006. Т. 11, вып. 4. С. 513–517.
- Бацевич и др. 2013 — Бацевич В. А., Ясина О. В., Кобылянский Е. Д. Онтогенетические изменения скелета у взрослого населения в различных социальных и географических условиях. Антропоэкологическое исследование // АЭАЕ. 2013. № 4 (56). С. 146–154.
- Бацевич и др. 2018 — Бацевич В. А., Ясина О. В., Сухова А. В. Временная и возрастная динамика биологических характеристик у сельского населения Монголии: антропоэкологические исследования // АЭАЕ. 2018. Т. 46, № 1. С. 144–153.
- Бужилова 1995 — Бужилова А. П. Древнее население: палеопатологические исследования. М.: ИА РАН, 1995. 198 с.
- Бужилова 1998 — Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Година Е. З. (отв. ред.). Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. Вып. 1. С. 87–146.
- Бужилова 2000а — Бужилова А. П. Палеопатологическая методика // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. Гл. 7.6. С. 77–78.
- Бужилова 2000б — Бужилова А. П. Палеопатологические аспекты адаптации человека верхнего палеолита // Там же. Гл. 31. С. 397–410.
- Бужилова 2005 — Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Бунак 1973 — Бунак В. В. Ископаемый человек из стоянки Сунгирь и его место среди других ископаемых позднего палеолита // Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. М.: Наука, 1973 (отдельный оттиск).

- Бунак 1980 — Бунак В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Бунак, Герасимова 1984 — Бунак В. В., Герасимова М. М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Зубов А. А. (отв. ред.). Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14–99.
- Герасимов 1964 — Герасимов М. М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 187 с.
- Герасимова 1982 — Герасимова М. М. Палеоантропологические находки // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Боршевского р-на на Дону (1879–1979). Л.: Наука, 1982. С. 245–256.
- Герасимова 1987 — Герасимова М. М. Метрические данные о посткраниальном скелете человека из погребения на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора // ВА. 1987. Вып. 78. С. 21–29.
- Герасимова 2006 — Герасимова М. М. Осевой скелет, плечевой пояс и стопа человека из верхнепалеолитического погребения Костёнки 14 (Маркина Гора) на Среднем Дону // Вестник антропологии ИЭА РАН. 2006. Вып. 13. С. 24–30.
- Герасимова 2010 — Герасимова М. М. Еще раз о палеоантропологических находках в Костёнках // ЭО. 2010. № 2. С. 26–40.
- Гохман 1966 — Гохман И. И. Ископаемые неантропы // Бунак В. В. (отв. ред.). Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Наука, 1966. С. 227–272 (Тр. ИЭ. Новая серия. Т. 92).
- Дебец 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. ИЭ. Т. 4).
- Дебец 1955 — Дебец Г. Ф. Палеоантропологические находки в Костёнках // СЭ. 1955. № 1. С. 43–53.
- Дебец 1961 — Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логу (Костёнки XVIII) // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 120–127.
- Дебец 1967 — Дебец Г. Ф. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке // СА. 1967. № 3. С. 160–164.
- Зубов 1994 — Зубов А. А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза // ЭО. 1994. № 6. С. 20–35.
- Зубов 2004 — Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: ИЭА РАН, 2004. 551 с.
- Козинцев 1997 — Козинцев А. Г. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе // Величко А. А., Соффер О. А. (отв. ред.). Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997. С. 110–115.
- Кочеткова 1965 — Кочеткова В. И. Объем мозга палеолитического человека со стоянки Маркина Гора // ВА. 1965. Вып. 20. С. 99–101.
- Медникова 2000 — Медникова М. Б. Морфологическая изменчивость верхнепалеолитического населения: проблемы расселения и адаптации // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). Homo Sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. Гл. 30. М.: Научный мир, 2000. С. 387–396.
- Медникова 2013 — Медникова М. Б. Новые данные к дифференциальной диагностике системного заболевания у представителя майкопской элиты из курганного могильника Марьянская 3 // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 100–109.
- Медникова и др. 2016 — Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Строение трубчатых костей кисти у обитателей верхнепалеолитических стоянок Костёнки-14 и 8 (эво-

- люционный и биоархеологический аспекты) // Вестник МГУ. Серия 13. Антропология. 2016. № 1. С. 20–34.
- Меженина и др. 1982 — Меженина Е. П., Куценко Я. Б., Печерский А. Г., Крук З. В. Словарь эпонимических названий болезней и синдромов. Ортопедия и травматология. Киев: Вища школа, 1982. 184 с.
- Моисеев, Хартанович 2015 — Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Человек из верхнепалеолитической стоянки Костёнки XIV: результаты генетических и морфологических исследований // Чистов Ю. К. (отв. ред.). Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 429–435.
- Моисеев и др. 2017 — Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Зубова А. В. Человек эпохи верхнего палеолита из Маркиной Горы: морфология *versus* генетика // Вестник РАН. 2017. Т. 87, № 2. С. 12–19.
- Никитюк, Бевзюк 1971a — Никитюк Б. А., Бевзюк В. В. Влияние механического фактора на изменение величины костей кисти за один год у молодых спортсменов // ВА. 1971. Вып. 38. С. 75–90.
- Никитюк, Бевзюк 1971б — Никитюк Б. А., Бевзюк В. В. Синостозирование эпифизарных зон в костях кисти человека в связи с половой принадлежностью и действием механических факторов // ВА. 1971. Вып. 39. С. 50–54.
- Павловский 1987 — Павловский О. М. Биологический возраст у человека. М.: Изд-во МГУ, 1987. 280 с.
- Павловский и др. 1998 — Павловский О. М., Максинев Д. В., Бацевич В. А. Сравнительный анализ современных методов в возрастной оссеографии // Вестник Тамбовского ГУ. Серия Естественные и технические науки. 1998. Т. 3, вып. 2. С. 159–164.
- Ривкин и др. 2005 — Ривкин В. Л., Бронштейн А. С., Лишанский А. Д. Медицинский толковый словарь. 4-е изд. М.: Медпрактика, 2005. 295 с.
- Рогачёв 1955 — Рогачёв А. Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костёнки XIV (Маркина Гора) // СЭ. 1955. № 1. С. 29–38.
- Рохлин 1965 — Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Русаков 1959 — Русаков А. В. Патологическая анатомия болезней костной системы: Введение в физиологию и патологию костной ткани. М.: Наука, 1959. 476 с.
- Седов 1979 — Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 154 с.
- Синицын 2015 — Синицын А. А. Костёнки (Маркина Гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 40–59.
- Хартанович и др. 2016 — Хартанович В. И., Моисеев В. Г., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Бужилова А. П. Палеолитический человек из Маркиной Горы (Костёнки XIV) по результатам комплексного анализа данных // Вестник МГУ. Серия 13. Антропология. 2016. № 2. С. 4–17.
- Хрисанфова 1979 — Хрисанфова Е. Н. Палеоантропологический аспект изучения конституции // ВА. 1979. Вып. 62. С. 3–13.
- Хрисанфова 1980 — Хрисанфова Е. Н. Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгиря // ВА. 1980. Вып. 64. С. 40–68.

- Хрисанфова 1984 — Хрисанфова Е. Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь 1. Бедренная кость Сунгирь 4 // Зубов А. А. (отв. ред.), Харитонов В. М. (ред.). Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 100–144.
- Хрисанфова 2000а — Хрисанфова Е. Н. Морфотип Сунгирь 1 в эколого-эволюционном аспекте // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. Гл. 27. С. 345–350.
- Хрисанфова 2000б — Хрисанфова Е. Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь I // Там же. Гл. 13. С. 193–217.
- Якимов 1957 — Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовой стоянке в Костёнках // Сб. МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 500–529.

PALEOANTHROPOLOGICAL FIND FROM THE UPPER PALEOLITHIC SITE OF MARKINA GORA (KOSTENKI-14): FACTS AND INTERPRETATIONS

M. M. GERASIMOVA

Keywords. *Middle Don, Upper Paleolithic, Kostenki, paleoanthropology, multivariate analysis, pathology, differential diagnostics.*

The present paper is a critical review of recently (in the last 3–4 years) published works that claim a new approach to the study of the unique paleoanthropological find from the Upper Paleolithic site of Markina gora (Kostenki-14) on the Middle Don. For the time being this is the oldest dated find of anatomically modern human bones in Eastern Europe. The revision of the older works was triggered by paleogenetic studies which have shown that: a) the K-14 genome contains stretches of Neanderthal DNA which are longer than those found in the genomes of present day Europeans, б) the genetic structure of the K-14 individual belongs to the basic Eurasian sequence. The recent papers focus on the issues of taxonomic status and racial affinity of K-14. The use of multivariate statistics is said to produce results that are at variance with those in previous studies by G. F. Debetz, V. P. Yakimov, V. V. Bunak, V. P. Alexeev. In fact, however (and despite claims for the contrary), neither the newest statistical analyses of skull and postcranial measurements nor the employment of genetic data have brought nothing new to the discussion. On the contrary, they just confirmed the previous conclusion that the K-14 individual belongs to the species *Homo sapiens*. The situation is not much better with the rejection of the hypothesis about the equatorial origin of K-14, which is said to have been shared by the authors of the past generations. In their works the position of this find was discussed only within the frameworks of various schemes of geographical and chronological differentiation of the Upper Paleolithic population — it never was considered a result of dispersal from the regions occupied by the present day equatorial variants. The canonical analyses aimed at the rejection of the earlier views not only failed to disprove them, but rather demonstrated that the K-14 skull reveals no tropical patterns. A special section of the paper is devoted to the issue of the resolution capability of the paleopathological studies of K-14 and to their role in the interpretation of the evolutionary process.